

ТІЛ БІЛІМІ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81:1; 81-13

Э.Д. Сулейменова

Д. ф. н., профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы
e-mail: esuleim@gmail.com

Реминисценции о картине мира $\subset$ языковой картине мира (статья вторая)

В статье в контексте глобального текста и культурного универсума рассмотрены понятия «картина мира» и «языковая картина мира». Проводятся параллели между теориями о неразрывности мышления/мировидения и языка Абу Хайяна ат-Таухиди (X в.) и В. фон Гумбольда (XIX в.). Перекидывается «мостик» к современной трактовке языковой картины мира.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, глобальный текст, культурный универсум, действительность, мышление.

Э. Д. Сүлейменова

Әлем бейнесі $\subset$ тілдік әлем бейнесі туралы реминисценциялар (екінші мақала)

Бұл мақалада глобалды мәтін және мәдени универсум контексінде әлем бейнесі мен әлемнің тілдік бейнесі түсініктері қарастырылды. Ойлау мен дүниетанымның ажырағысыз байланысы теориясы мен Абу Хайян ат-Таухиди (X ғ.) мен В. фон Гумбольдтың (XIX ғ.) тілдері арасындағы параллельдер келтірілді. Әлемнің тілдік бейнесінің қазіргі түсіндірмесіне «көпір» салынды.

Түйін сөздер: әлем бейнесі, тілдік әлем бейнесі, глобалды мәтін, мәдени универсум, ақиқаттық, ой.

E. D. Suleimenova

Further Thoughts on *Worldview* $\subset$ *Linguistic Worldview* (second essay)

The notions of worldview and linguistic worldview are examined in the context of global text and cultural universe. Parallels are drawn between theories of continuity of thought and worldview of Abu Hayyan al-Tawhidi (10th century) and Wilhelm von Humboldt (19th century). A 'bridge' to modern treatment of linguistic worldview is drafted.

Key words: worldview, linguistic worldview, worldview in language, reality, thought.

Нельзя не учитывать того обстоятельства, что никакие номинативные средства языка не существуют сами по себе. Независимо от национальных особенностей языков их номинативные средства однозначно соотносятся с референтом в рамках осуществляющегося общения, корректируясь как со стороны конкретных параметров и особенностей коммуникативной ситуации, так и со стороны общей картины мира в целом.

В контексте данных рассуждений можно привести мнение Е.С. Кубряковой [1, 142]: «Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковые формы. Не все, воспринятое и познание человеком, не все, прошедшее и проходящее через разные органы чувств и

поступающее извне по разным каналам в голову человека имеет или приобретает вербальную форму. Не все отражается с помощью языка и не вся информация, поступающая извне, должна быть пропущена через языковые формы».

Сегодня по-прежнему интересны исследования 80-90-х годов о роли метафоризации в создании языковой картины мира (В.Н. Телия), об особенностях вторичной языковой номинации, дифференциальных и интегральных признаках лексики (А.А. Уфимцева), об атрибутивных характеристиках, процессуально-динамическом и субстанциональном представлении картины мира (В.И. Постовалова), о роли словообразования в формировании языковой картины мира (Е.С. Кубрякова) и др. Эти работы в значительной мере помогают понять не только сам сложнейший механизм формирования картины мира, но и проясняют вопрос о том, насколько различия между языками сказываются на картине мира.

Концептуальное единство и адекватность смысла могут быть достигнуты в любом языке, поэтому сами языки в этом смысле оказываются абсолютно равноправными как неотъемлемые атрибуты человеческого знания. Картина мира может быть выражена разными языками, но, независимо от этого, он может быть сведена к единству материального мира, отражаемого нашим мозгом.

В понимании *языковой картины мира* существует несколько аспектов, рассмотрим следующие два: а) один связан с выделением языковой картины мира как таковой, безотносительно к конкретным национальным языкам и тем различиям, которые существуют между ними; б) другой – с языковой картиной мира, формируемой конкретными национальными языками и ориентированной на те различия, которые существуют между разными языками, в первую очередь, в системе лексических номинаций.

Отвечая на вопрос о правомерности такого выделения общеязыковой и частноязыковой картины мира, следует помнить о тех аргументах, которые используются для обоснования этого противопоставления: в основном, это изолированные слова. Несмотря на все разнообразие семантики отдельных слов или определенных лексико-семантических групп – это все же фрагмент, мазок в картине мира. Как говорилось выше, картина мира – это познавательный когнитивный феномен, кото-

рый не складывается из значений или суммы значений отдельных слов.

Языковая картина мира не существует и в более крупных единицах языка, рассматриваемых также изолированно. Можно, пожалуй, вслед за Г.В. Колшанским, допустить, что языковая картина мира представлена в глобальном тексте, т.е. всей совокупности текстов, порождаемых и порожденных обществом [2, 3]. Действительно, само по себе понятие картины мира включает в себя признак *целостности*, которая может быть реализована в языке только в виде текста как длительного и непрерывного акта общения людей. Природная неспособность изолированных слов (как и вообще отдельных номинативных единиц) создавать языковую картину мира хорошо согласуется с тем, что слово, как и всякая иная номинативная единица, не может образовывать номинативную картину мира, вычленяющую и обозначающую лишь то, что выделено познающим мышлением, получило название и закрепилось среди людей.

Зарождение интереса к процессам формирования картины мира и роли языка в них чаще всего связывают с именем В. фон Гумбольдта. Это справедливо, если речь идет только о европейской традиции в языкознании и науке в целом.

Однако в более древние времена в Греции и на Востоке эта проблема (решавшаяся, правда, в других терминах и формулировках) занимала умы ученых. Хотелось бы остановиться на чрезвычайно интересном подходе к проблеме взаимоотношения языка и знания, характеризующемся широким контекстом *культурного универсума*, в котором созрела и арабская культура.

В X веке Абу Хаййаном ат-Таухиди была написана «Книга услад и развлечений», в которой в форме увлекательных диалогов между логиком и литератором обсуждаются вопросы универсальности мышления и независимости его от языка. Ат-Таухиди «отстаивает неразрывность связи языка и мышления, демонстрируя значимость любого элемента языка и отрицая возможность внеязыкового мышления. Его утверждения о том, что у каждого языка своя логика, а мысль вырастает из языка, снимающие абсолютность противопоставления формы и содержания применительно к оппозиции «язык – мышление» [3, 50], основаны на том, что логика – создание греческих ученых – есть логика греческого языка. Сам ат-Таухиди

считал, что «значение в грамматике поделено между вариациями словесной формы, употреблением слов в должном месте и порядком слов в строе речи. В этом требуется точность и недопустимы ошибки. Отклонения от правил либо принимают как редкое исключение, если они поддаются хоть в какой-то степени объяснению, исходя из нормы, либо отвергают как не соответствующие врожденным навыкам говорящих. При этом допускается, что в языке племен могут быть различия, которые следует учитывать. В основании всего лежит преемственность, традиция, наблюдение и строгое выведение по аналогии из общепризнанного основания. Лишь тщеславие заставляет логиков полагать, что значения можно познать и уяснить не иначе, как следуя их воззрениям, только с помощью их методов и процедур» [4, 65].

Ат-Таухиди считал, что у каждого языка своя логика, своя грамматика и понять логику можно только через язык: «Грамматика – это логика, но выделенная из арабского языка, а логика – это грамматика, но понятая через язык. Разница между словесной формой и значением в том, что форма относится к природе, а значение – к разуму» [4, 62]. Аргументами в споре литератора с логиком оказываются частицы, их значение и позиции. Ат-Таухиди доказывает, что расчленение в арабском осуществляется иначе. Расчленение с помощью частиц, которое приводят в спорах логики, «исходит из разума греков и обусловлено их языком, а разум индийцев, тюрков и арабов не позволяет так мыслить» [4, 63]. Ат-Таухиди высмеивает претензии логиков на универсальность их знания, поскольку в логике содержится совершенно иной, чуждый арабам, персам и индийцам метод мышления и познания. Логика греков отрывает мышление арабов от их языка, а язык и мышление находятся в неразрывной связи. Законы мышления по-арабски содержатся в грамматике арабского языка, которая должна сохранить свою непроницаемость для «чужого» знания.

Как видим, тема спора в диалогах весьма современна, и оценить взгляды ат-Таухиди по достоинству можно, если привести также его мнение о знаниях: «Знание о мире рассеяно по миру между всеми». «Оправленное в словесную форму не охватывает всего содержимого разума. Значения постигаются разумом, они образуют непрерывность и протираются без границ. Словесная форма какого бы ни было языка не обладает достаточной силой, чтобы

овладеть этим содержанием, вобрать его в себя и воздвигнуть вокруг него ограду, которая помешала бы чему-либо изнутри вырваться наружу, а чему-либо снаружи проникнуть внутрь, остерегаясь порчи от смешения» [4, 68]. Хотелось бы обратить особое внимание на следующие моменты: во-первых, ат-Таухиди, исходя из неразрывности языка и мышления, делает вывод об уникальности мышления (логики и грамматики) и зависимости его от языка; во-вторых, никакой язык не в состоянии создать преграду для знания, которое «рассеяно по миру между всеми»; в-третьих, образ ограды параллелен образу языка-круга, о котором говорил Гумбольдт, рассматривая язык и мировидение¹.

Однако выводы, которые делают ученые, можно рассматривать в известной степени как противоположные: общее утверждение о неразрывности мышления (мировидения) и языка приводит ат-Таухиди к мысли о целостности знания, о том, что между знаниями невозможно провести преграду, а В. фон Гумбольдта – напротив, к положению о специфичности мировидения разными народами. Как известно, именно эта гумбольдтовская идея была впоследствии широко использована в теории лингвистической относительности и концепции неогумбольдтианства.

В последних теориях, как правило, осуществлялось сравнение картин мира по отдельным фрагментам – словам и высказываниям. Однако, такие единицы, как слово, не могут выполнять функции общения, поскольку не могут передавать содержания сообщения. Неспособность слова выступать в качестве единицы общения не является признаком какой-либо ущербности, а объясняется изначальным свойством слова – обозначать. Обозначение же само по себе не содержит свойств сообщения. Природная неспособность слов выступать в функции сообщения объясняется как раз тем, что они не создают объективной и целостной картины мира, не передают истинного бытия вещей и не могут существовать на правах полноценных коммуникативных единиц.

Продолжая аналогию, приводимую выше, можно говорить о том, что языковые выражения, построенные в пределах одного языка,

¹ Как видим, проблема *мировидения* занимала ученых издавна, в новейшее время оно традиционно связана с представлениями о *промежуточном мире* в духе В. фон Гумбольдта, Й.Л.Вайсгерберга, Л.Витгенштейна, Й.Г. Гердера, Э.Сепира – Б.Л. Уорфа, от которых был совсем короткий шаг к *особости национального мировоззрения*, далее – *языковой картине мира* и *национальной картине мира*.

могут быть приравнены к различным способам выражения идентичного смысла, свойственным разным национальным языкам. Ни логически, ни практически нельзя считать недопустимой возможность существования и функционирования разных субстанциональных знаков (коммуникативных, в первую очередь), выражающих один концепт, одну и ту же сущность.

Концептуальное единство и адекватность смысла могут быть достигнуты в любом языке, а сами языки в этом смысле оказываются абсолютно равноправными как неотъемлемые атрибуты человеческого знания. Картина мира может быть выражена по-разному в разных языках, но независимо от этого она может быть сведена к единству способов существования материальных предметов и явлений и оправдана как адекватное выражение этой сущности в языковых формах.

Вся совокупность социально-культурных особенностей жизни конкретного коллектива находит свое выражение в формировании семантики языковых единиц, особенностях их употребления, которые могут эксплицироваться в языке различными способами и средствами, а могут оставаться и невыраженными (так называемые *скрытые классы*, или *криптитипы*, по Б.Л. Уорфу). Объективно мы наблюдаем, что билингвы и мультилингвы не имеют никаких сдвигов в своем сознании относительно картины мира из-за зависимости от языка, на котором они в данном случае общаются.

Никакой язык не может рассматриваться в качестве ограды, как говорил ат-Таухиди, точно так же, как не может считаться самостоятельным познавательным механизмом, способным полностью регулировать познание мира и адекватно представлять его в сознании.

Язык не отражает действительность, это деятельность и функция мозга. В языковых формах фиксируются и отображаются результаты этого отражения. Поэтому, когда говорят о *языковой картине мира*, то могут иметь в виду саму форму существования картины мира. В языке как одной из специфических форм, наряду с представлениями и их отношениями, существует *картина мира*. Однако язык не соотносится с объективным миром непосредственно и не создает его картины.

Итак, в понимании *картины мира*, *языковой картины мира* и *национальной картины мира* не наблюдается единства, равно как нет

единства и в характеристике путей и средств формирования этих картины. Мнения варьируют от признания всех трех феноменов до сведения их в рамки только картины мира. *Языковая картина мира* понимается также как *общеязыковая картина мира*, в отличие от *частноязыковой картины мира*, с которой может быть отождествлена *национальная картина мира*. Кроме того, *языковая картина мира* получает уточнение как форма и способ существования картины мира. Уточнение данных понятий может быть достигнуто и за счет введения в анализ *человеческого фактора*.

Язык – это обязательный атрибут человека, который включается во взаимодействие с объективной действительностью и вызывает (актуализирует) сложную сеть взаимоотношений с миром. В этих связях и проявляется со всей полнотой человеческий фактор, т.к. вся деятельность человека, в том числе и языковая, неизбежно вплетена в его жизнь.

Если предположить, что вся мыслительная деятельность человека регламентируется языковой системой, то отсюда неизбежно следует, что человек живет только в своем языковом мире, за пределы которого он в принципе не может выйти, «путь» языка были бы для человека непреодолимыми. В этом отношении по-особому выглядит язык при условии его использования билингвом.

Верно ли, что при использовании двух языков одним человеком они сохраняют свою целостность и уникальность? Р.Т. Белл, например, считает, что автономность языка (как первого, так и второго) при билингвизме нарушается, он перестает быть аналогичным «вновь открытому языку вновь открытого народа». Высказывания билингва не являются ни высказываниями на этом языке, ни высказываниями на другом языке, а представляют собой поверхностные манифестации *интеръязыка*, языковой системы, формальные характеристики которой помещают такой интеръязык в некоторой точке между двумя языками, которыми владеет билингв [5, 171-176]. Каково же соотношение такого интеръязыка и концептуальной системы? Интеръязык, по Р.Т. Беллу, возникает в ситуации смешанного билингвизма, которому свойственна единая концептуальная система. Две концептуальные системы сохраняются при координированном типе билингвизма.

Подобная интерпретация естественным об-

разом заставляет задать по сути риторический вопрос о том, насколько свободен такой билингв в выборе номинативных средств при формировании, восприятии и понимании смысла сообщения, насколько удачным может быть общение в случае так называемого *семилингвизма* (т.е. неполного владении первым и вторым языками, или, иначе говоря, и первым и вторым языками).

Выбор единиц номинации и сам процесс номинации в условиях билингвизма значительно осложняется. Номинация (осуществляемая не в пределах одного, а *через* второй язык) превращается по сути в новое референциальное соотнесение на основе конвенционального значения единиц первого языка. Тем самым второй язык оказывается средством экспликации уже существующей картины мира, необходимым средством обеспечения взаимопонимания билингвов.

Безусловно, что именно такая конструктивная деятельность человека на основе имеющихся у него знаний первого языка обеспечивает ему владение вторым языком и понимание речевых произведений на этом языке. Представляется, что знание языка играет значительно большую роль в процессах, действующих в мышлении человека, его памяти, восприятии и внимании, при изучении им второго языка.

Вместе с тем нельзя не учитывать и того неоспоримого факта, что *общезыковая картина мира* формируется у человека на основе знания одного языка, на базе этого же языка начинает действовать механизм производства и понимания языковых выражений. Однако никакое понимание невозможно, если основываться только на знании языковых выражений и языковой структуры: эти знания органически и неразрывно включаются в прагматические и коммуникативные знания, составляющие языковую компетенцию любого человека. Кроме того, в процессах понимания активно участвуют и внеязыковые знания (картина мира общечеловеческая, социальная, этническая, научная, обыденная).

При овладении и особенно при использовании языка «работает» весь комплекс (вся база) знаний, и, очевидно, в этом процессе невозможно четко разграничить знания на релевантные и нерелевантные. По-видимому, использование знаний имеет в данном случае не только глобальный, но и динамический характер. Тот принцип, который является орга-

низирующим при общении людей (ориентация на знания слушающего) действует и в ситуации с общающимися билингвами (или при общении с билингвом). Именно в этом смысле можно говорить о справедливости слов Атт-Таухиди, что «оправленное в словесную форму не охватывает всего содержимого разума. Значения постигаются разумом. Они образуют непрерывность и протираются без границ» [4, 68].

Картина мира содержит в себе несколько пластов. Весьма существенным является различение социально значимой (социальной, общечеловеческой, этнической) картины мира и субъективной (концептуальной) картины мира, она может интерпретироваться как субъективные (индивидуальные) знания, мнения, формирующиеся в зависимости от особенностей жизнедеятельности того или иного индивида.

Картина мира (и в том, и в другом понимании) сложным образом взаимодействует с языком. При этом возможны разные случаи толкования этого взаимодействия, крайняя точка зрения представлена определением языка как явления, детерминирующего мировоззрение как особую картину мира. Абсолютизация роли языка в познании приводит к пониманию языка как концептуальной системы, особой системы знаний, которая существует как нечто вне человека и вне его познающей деятельности.

Именно поэтому язык понимается нами не как особая концептуальная система (картина мира), а как форма и способ ее представления. Язык не обладает способностью отражать действительность и создавать тем самым ее образ. Это прерогатива мышления. Смысл, передаваемый с помощью языковых выражений, относится к мышлению и потому может быть определен как отражательная категория. Человек, являющийся носителем определенной концептуальной системы, которая формируется не только с помощью языка (но в значительной своей части в довербальный период жизни), активно стремится в ходе общения постичь смысл сообщения и соотнести его со своей субъективной системой знаний.

Вопреки сложившейся традиции в рассмотрении языковой картины мира (исключительная ориентация на различия между языками как доказательство ее существования), существенный интерес представляют и иные аспекты проблемы: а) общность формирования

картины мира – единых логико-лингвистических закономерностях; б) столкновение языковых картин мира (если таковые реально существуют) при овладении и владении вторым языком; в) универсальность законов формирования, развития и существования картины мира у разных народов и мн. др.

Таким образом, языковая картина мира чаще всего рассматривалась как особое видение мира, и исследователи обращали основное внимание на различия, которые существуют между языками. Причем для доказательства существования языковой картины мира использовался материал лексических номинаций, который оценивался как самодостаточное средство обозначения фрагментов действительности. Признание реальности языковой картины мира означает, что языку как самодостаточному средству обозначения действительности приписывается способность отражать действительность, что вся мыслительная деятельность человека регулируется и координируется языком. На самом же деле картина мира – это результат совокупной познавательной деятельности многих поколений, и не-

маловажное (и для каждого последующего поколения все более решающее) участие в этой деятельности принимает язык.

Принимая гносеологический смысл противопоставления картина мира $\subset$ языковая картина мира и определяя место и роль языковой картины мира в познании действительности согласно данной модели, нельзя отказаться от уже апробированного в десятках тысяч исследований способа изучать наиболее явные и ощутимые проявления языковой картины мира – концепты. Исследуя концепты, во-первых, мы попадаем в область сугубо специфического, характерного для конкретного языка и (пользуясь старым, но надежным словом) мировидения его носителя (народа); во-вторых, специфичность и уникальность таких концептов делает их ключом к подступам описания фрагментов языковой картины мира и далее – фрагментов самой картины мира. Пока это единственный надежный путь к описанию языковой картины мира во всей сложности ее возможных (эксплицитных и имплицитных) содержаний, облеченных в языковую форму.

Литература

- 1 Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – Москва, 1988; <http://www.durov.com/content/1115314083-100.html>
- 2 Колшанский Г.В. Соотношение объективных и субъективных факторов языке – Москва, 1974; <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=ru&blang=ru&page=Book&id=30225>
- 3 Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алматы: Мектеп, 1989.
- 4 Фролов Д.В. Вступительная статья, перевод и комментарии к книге Абу Хайана ат-Таухиди «Книга услад и развлечений» // Восток – Запад. Исследования, Переводы. Публикации. – Москва, 1988.
- 5 Ат-Тайхуди Абу Хайан Диалоги (из «Книги услад и развлечений») // Восток – Запад. Исследования, Переводы. Публикации. – Москва, 1988.
- 6 Белл Р.Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. – Москва, 1980.

References

- 1 Kubrakova E.S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovani kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira. – Moskva, 1988; <http://www.durov.com/content/1115314083-100.html>
- 2 Kolshansky G.V. Sootnoshenie ob'ektivnykh I sub'ektivnykh faktorov v jazyke – Moskva, 1975; <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=ru&blang=ru&page=Book&id=30225>
- 3 Suleimenova E.D. Ponatie smysla v sovremennoi lingvistike – Almaty: Mektep, 1989.
- 4 Frolov D.V. Vstupitelnaja stat'a, perevod I kommentarii k knige Abu Chaiiana at-Tauchidi «Kniga uslad I razvlechenii» // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikacii. – Moskva, 1988.
- 5 At-Tauchidi Abu Chaiian Dialogi (iz «Knigi uslad I razvlechenii») // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikacii. – Moskva, 1988.
- 6 Bell R.T. Sociolingvistika. Celi, metody I problemy – Moskva, 1980.